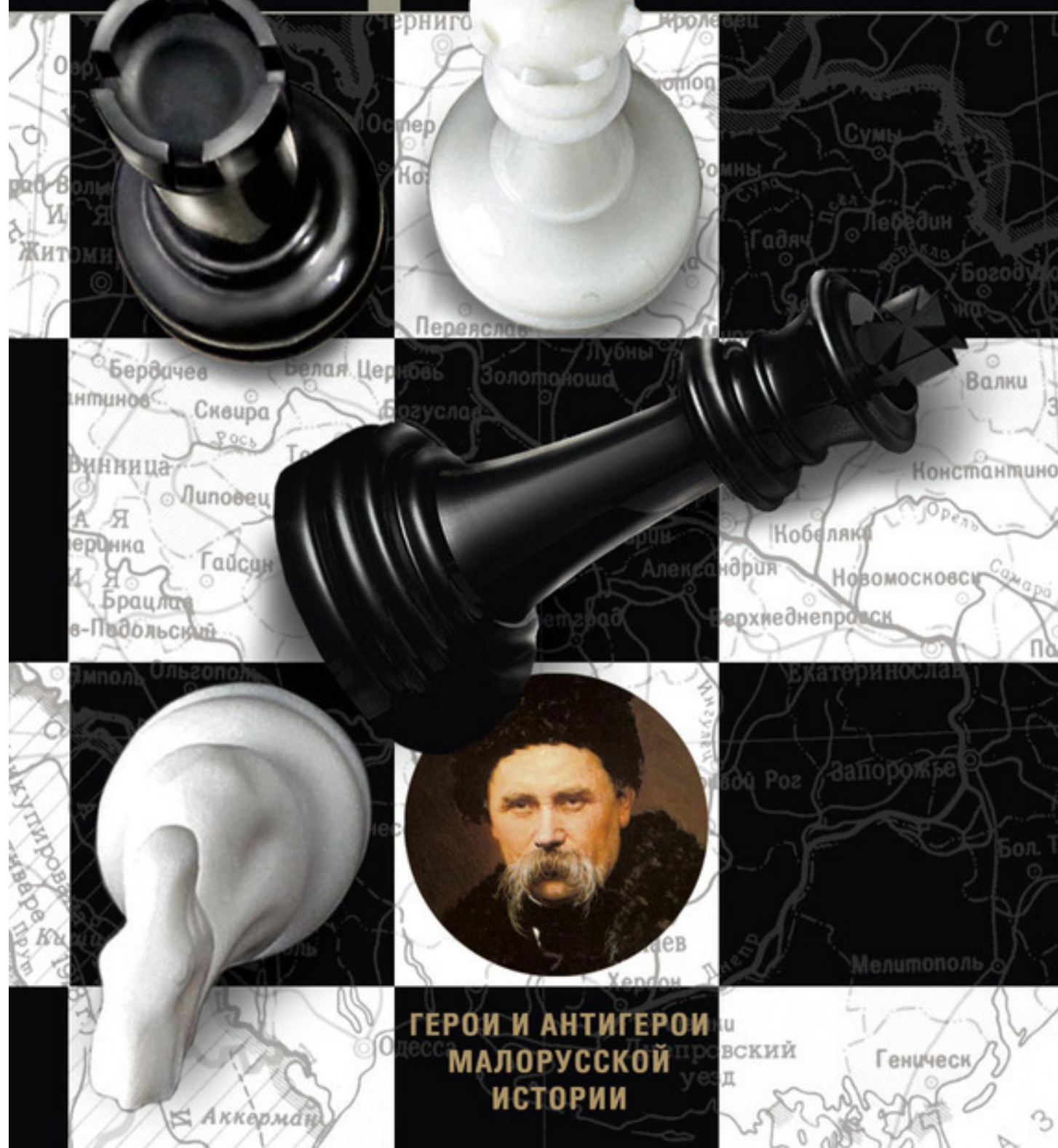


ИСТОРИЧЕСКИЕ УШАХМАТЫ александр каревин

Украины



ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ
МАЛОРУССКОЙ
ИСТОРИИ

Александр Каревин

Исторические шахматы Украины

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

Каревин А. С.

Исторические шахматы Украины / А. С. Каревин —
«Центрполиграф», 2015

Книга представляет собой галерею исторических портретов различных украинских (малорусских) деятелей, а также уроженцев Украины (Малороссии), прославившихся за ее пределами. Некоторые из этих фигур прошлого практически неизвестны широкой публике. Другие, наоборот, хорошо известны, однако показаны в книге с неожиданной стороны. Вопреки ставшему популярным в последнее время тезису о непригодности черно-белого измерения исторических персонажей автор показывает, что имеются в истории личности, всей своей жизнью окрасившие себя в однозначно черный или однозначно белый цвета. Хотя, конечно, бывают в исторических шахматах (в отличие от шахмат классических) и пестрые фигуры. Таковые тоже представлены в книге. Гетманы и религиозные фанатики, общественные и революционные деятели, украинские (малорусские) политики, ученые, литераторы... О них пойдет речь в книге.

УДК 94(477)
ББК 63.3(4Укр)

© Каревин А. С., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

От автора	5
«Святой» душехват Иосафат Кунцевич	7
Забытый герой Яким Сомко	11
Судьба самозванца. Филипп Орлик: мифы и действительность	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Каревин

Исторические шахматы Украины.

Герои и антигерои малорусской истории

От автора

Помнится, со времен приснопамятной перестройки в нашей (тогда еще общей для России и Украины) стране стало модным утверждение о непригодности для истории черно-белого измерения. Разными словами этот тезис повторяли ученые, писатели, журналисты. Все они указывали на то, что нельзя исторических персонажей изображать однозначно белыми (ах какими хорошими!) либо однозначно черными (ух какими плохими!). Нельзя, ибо не бывает людей совсем без недостатков или совсем без достоинств. Добро и зло содержится внутри каждого человека, хотя, конечно, в разных пропорциях. Поэтому, дескать, не следует при описании исторических событий и личностей ограничиваться только двумя цветами (белым и черным). История – наука красочная. Цветов и оттенков у нее много, задействовать надо все.

Утверждение в целом верное. Но недаром говорится, что нет правил без исключений. Некоторые фигуры прошлого сами окрасили себя в один определенный цвет. Окрасили своими поступками. Причем так густо, что, сколько ни ищи там других цветов, сколько ни пытайся добавить другие оттенки, сделать этого не получится. Выискивать белое в черном, а черное в белом можно, но толку-то?

Например, Адольф Гитлер в молодости был, говорят, неплохим художником. Ну и что? В историю он вошел не как художник. И какими бы замечательными ни являлись написанные им картины, сей персонаж не станет от этого менее черным.

Или другой пример – Александр Пушкин. Если подходить к нему с мерками пуританской морали, то, наверное, можно найти повод для обвинений в «безнравственности» (ну любил Александр Сергеевич женский пол!). Только опять же что из того? Пушкина мы оцениваем не как моралиста (каковым он и не являлся), а как поэта. Поэтом же он был великим. И, будучи таковым, безусловно, окрасил себя в белый цвет. Тут важно лишь не путать грешное с праведным, не распространять величие Пушкина-поэта на абсолютно все, совершенное им в жизни. Иными словами, не обожествлять пусть и выдающегося, но грешного человека, как это произошло в Украине с другим поэтом, одним из персонажей данной книги.

Книга эта представляет собой сборник исторических портретов разных личностей, живших в различные эпохи и занятых в разнообразных сферах деятельности. Объединяет их всех то, что так или иначе все они связаны с Украиной. Связаны происхождением, деятельностью или хотя бы местом рождения.

А еще герои книги объединены тем, что по крайней мере к большинству из них черно-белое измерение вполне подходит. Большую часть персонажей, о которых пойдет речь, однозначно следует охарактеризовать как «белых» или как «черных». Собственно, потому книга и получила название «Исторические шахматы Украины». Здесь, как в шахматах, тоже есть белые и черные фигуры.

Черных, надо признать, больше. Таким образом, нарушен паритет. Дело, однако, в том, что на протяжении всей украинской (или, правильнее сказать, малорусской) истории черные были заметнее. И внимания к ним, соответственно, должно быть больше. В современной же Украине фигуры этого цвета явно имеют численный перевес. Так, кстати, бывает и в классических шахматах. Только вот количественное преобладание не всегда гарантирует окончатель-

ную победу в шахматной игре. Особенно в исторических шахматах, где партия длится гораздо дольше.

Кроме того, в исторических шахматах, помимо белых и черных фигур, есть и иные – пестрые. Они тоже представлены в книге, хотя и в меньшем количестве, чем фигуры однотонной расцветки.

Разумеется, нельзя объять необъятное. Далеко не обо всех значительных исторических персонажах рассказано в данном повествовании. Чтобы охватить всех, понадобилось бы многотомное издание. А пока бы писались и выходили очередные тома, появились бы новые фигуры, требующие к себе внимания. Этот процесс будет продолжаться, покуда продолжается сама история.

Очень рассчитываю, что и мне удастся продолжить работу над «Историческими шахматами». Только вот ситуация в моей стране ныне такова, что невозможно загадывать не то что на день, а и на час вперед. Всякое может произойти. По этой причине выношу на суд читателей то, что есть на данный момент.

Александр Каревин
Март 2015 года

«Святой» душехвват Иосафат Кунцевич

«История христианской церкви». Так назывался специальный проект Украинского радио – цикл передач, транслировавшихся на Первом канале. Вел их Роман Коляда, известный радиожурналист и по совместительству диакон «Киевского патриархата» (псевдорелигиозной политической организации, пытающейся подменить собой православную церковь в Украине).

Передачи, надо признать, получались довольно интересными. Наверное, не в последнюю очередь потому, что являлись не сугубо религиозными, а скорее историко-просветительскими, рассчитанными на светскую аудиторию. И к тому же посвящены они были теме, с которой плохо знакома широкая публика. Следовательно, у радиослушателей появлялась возможность узнать что-то для себя новое.

Поначалу впечатление от радиосериала портили лишь отдельные ошибки, допускаемые авторами. Скажем, курьезно звучало сообщение о печенеггах, якобы враждовавших в I веке со скифами в причерноморских степях, тогда как сам союз тюркских племен, известных нам как печенеги, сложился в VIII веке далеко от Причерноморья (там они появились только в конце IX века).

Однако ошибки такие были нечастыми и вряд ли обуславливались злым умыслом. Так, повторяю, было вначале, пока речь шла о древнейшей истории, говорилось о событиях, споров, как правило, не вызывающих. Но чем ближе подходили авторы к страницам прошлого, напрямую связанным с нашей эпохой, тем больше погрешностей обнаруживалось в радиопередачах. И причина здесь, вероятно, уже не только в недостаточной образованности журналистов, но и в их нежелании быть объективными.

Наглядный пример – выпуск программы, озаглавленной: «Становление Украинской греко-католической церкви». Разговор повелся об униатском архиерее Иосафате Кунцевиче, названном в передаче «образцом чистого служения Господу». Утверждалось, что Кунцевич, живший в «эпоху, менявшую ориентацию украинского общества с восточного направления на западное», совершил «духовный подвиг», показывая «талант любви к Богу в каждом помысле и деянии». Процитировали авторы и римского папу Иоанна Павла II, объявившего упомянутого униата «апостолом национального единства».

Поскольку сей исторический персонаж известен сегодня далеко не всем, видимо, имеет смысл рассказать о нем подробнее.

Он родился в 1580 году во Владимире-Волынском в православной семье. Отец его занимался сапожным ремеслом. Сына своего он обучил русской и польской грамоте, а когда тот подрос, отдал в услужение богатому купцу из Вильно (так тогда назывался Вильнюс), куда и переехал Кунцевич-младший, заняв должность приказчика.

То было время начала унии...

Жил приказчик неподалеку от Свято-Троицкого православного монастыря и регулярно ходил в монастырскую церковь на богослужения. Постепенно он сдружился с монахами, любил беседовать с ними на религиозные темы. Когда же монастырь в приказном порядке обратили в униатский, Кунцевич, по примеру большинства тамошних монахов, безропотно подчинился и тоже стал униатом.

Вскоре он оставил работу у купца, перешел жить в монастырь и начал усиленно посещать занятия в иезуитском коллегиуме. «Здесь-то, – напишет потом православный биограф Кунцевича, – ему и была внушена непримиримая ненависть к вере его предков».

В 1604 году Кунцевич постригся в монахи под именем Иосафата, после чего принялся ревностно проповедовать унию. Очевидно, он умел убеждать, поскольку смог увлечь многих. Православные называли его душехвatom. Кто-то даже нарисовал огромного размера картину,

где Иосафат изображался в виде дьявола, с рогами и с зажатой в руке крюком, которым тащил к себе людские души.

За проявленное усердие глава греко-католической (униатской) церкви митрополит Ипатий Поцей сделал Кунцевича настоятелем одного из монастырей. Когда же после смерти Поцея новым митрополитом стал Иосиф Рутский, то, рассчитывая на способности Иосафата, взял его с собой в Киев для пропаганды унии.

Правда, там Кунцевичу не повезло. Он додумался явиться в Киево-Печерский монастырь и принялся громогласно насмехаться над православными. Таким способом Иосафат собирался вызвать местных богословов на публичный диспут.

Но слишком уж нагло вел себя пришелец. Дискутировать с ним не стали. Просто вытолкали за ворота, надавав тумаков. На этом деятельность униатского пропагандиста в Киеве закончилась. Сконфуженный, он быстро убрался из города.

Впрочем, карьере Иосафата неудача не повредила. Рутский назначил его архимандритом Виленского Троицкого монастыря (того самого, где он раньше жил). А в 1618 году Кунцевич становится архиепископом Полоцким, получив церковную власть над значительной территорией Белоруссии.

Первое время на новой должности он вел себя смирно, возможно памятуя урок, полученный в Киеве. Обитатели Полоцка даже думали, что их архиерей в душе остается православным, а унию принял притворно, под давлением (так тогда поступали многие). Когда в 1620 году через западнорусские земли проезжал православный иерусалимский патриарх Феофан, полочане собрались послать к нему делегацию, предложив возглавить ее Иосафату.

Сколько мог, архиепископ тянул время, но в конце концов ехать отказался. Это открыло людям глаза на Кунцевича. Удостоверившись, что он настоящий униат, горожане перестали уважать архиерея.

А затем ему пришлось выдержать жесткую борьбу за власть в епархии. Патриарх Феофан, остановившись в Киеве, восстановил на Западной Руси православную иерархию.

Как известно, на Брестском соборе 1596 года большинство архиереев изменили православной вере и перешли в унию. Избирать же вместо предателей новых церковных владык запретил польский король. В Речи Посполитой оставалось лишь два православных епископа – львовский и перемышльский. С их смертью церковь осталась без иерархов. Некому было не только управлять – невозможным стало рукополагать новых священников (это могли делать только архиереи). Поляки, а вместе с ними и униаты, надеялись, что через какое-то время православие в стране просто исчезнет.

Однако патриарх Феофан, невзирая на королевское запрещение, возвел в архиерейский сан нескольких духовных лиц. В частности, полоцким православным архиепископом стал Мелетий Смотрицкий. И хотя открыто появиться в Полоцке новый архиерей не мог (польское правительство приказало его арестовать), он рассылал по епархии свои послания, в которых, помимо прочего, обвинял Кунцевича в вероотступничестве.

Огромное большинство народа тут же признало православного владыку и отказалось подчиняться униату. Греко-католические церкви моментально опустели. Вдобавок ко всему новый противник Иосафата был прекрасно образован, обладал даром красноречия. Конкурировать с ним в этом отношении Кунцевич не мог.

Тем сильнее распалялся униат злобой. Пользуясь поддержкой польской власти, он вытребовал себе в помощь вооруженный отряд и принялся подавлять сопротивление. Храмы закрывали перед ним двери, но Иосафат приказывал солдатам вламываться туда силой. Монастыри брались штурмом. Иногда производились форменные боевые действия. Так, полоцкий Борисоглебский монастырь (построенный еще в начале XIII века) был взят после одиннадцатидневной осады, в ходе которой подвергался пушечному обстрелу и оказался наполовину разрушен.

Примечательно, что Кунцевича заботили не только храмы. Он стремился захватить и монастырские угодья, за которые тоже вел борьбу, наполняя собственные карманы.

Один за другим занимал униатский карательный отряд города – Могилев, Оршу, Мстиславль. Всюду по приказу Иосафата закрывали православные церкви, заключали в тюрьмы и истязали там православных священников. Народ оставался без духовных пастырей. Нельзя было ни крестить младенца, ни повенчать молодоженов, ни отпеть покойника.

Кунцевич не щадил даже мертвых. Нередки были случаи, когда по его распоряжению тела недавно умерших людей вырывали из могил и бросали на съедение псам. По-видимому, именно такие «деяния» Иосафата Украинское радио считает сегодня «образцом чистого служения Господу».

Разумеется, происходившее вызывало возмущение населения, что, в свою очередь, немало тревожило светские власти. «Признаюсь, что и я заботился о деле унии, что было бы неблагоразумно оставить это дело, – писал Кунцевичу литовский канцлер Лев Сапега в марте 1622 года. – Но мне никогда и на ум не приходило, что ваше преосвященство будете присоединять к ней столь насильственными мерами... Безрассудно было бы пагубным насилием нарушать вожденное согласие и подобающее королю повиновение. Руководствуясь не столько любовью к ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотреблением своей власти, своими поступками, противными священной воле и приказаниям Речи Посполитой, зажгли те опасные искры, которые всем нам угрожают пагубным и всеистребительным пожаром. Если – избави Бог – отчизна наша потрясется (вы своею суровостью пролагаете к тому торную дорогу), что тогда будет с вашею униєю?»

Но Иосафат предостережений слушать не желал. Он продолжал разъезжать по епархии с карательной экспедицией. В конце октября 1623 года униатский архиепископ прибыл в Витебск и тут же закрыл все православные храмы. Чтобы не остаться без богослужения, народ собирался за пределами города. Церковные службы проводились в специально сооруженных шалашах. Кунцевич знал об этом и посылал своих подручных разгонять собравшихся. Шалаши разрушали, верующих разгоняли, но они собирались вновь и строили новые шалаши. Иосафат злился и свирепствовал еще больше. Наконец терпение людей лопнуло.

В одно из воскресений слуги архиепископа перехватили православного священника, направлявшегося за город для богослужения. Батюшку избили прямо на улице и заперли в подвале архиерейского дома. Это и стало последней каплей.

Жители города ударили в набат. Вооружаясь на ходу кто чем мог, люди двинулись к резиденции Кунцевича. Сломив сопротивление стражи, они ворвались в дом с криками: «Бей папешника-душехвата!», вытащили Иосафата из покоев и забили насмерть. Тело протащили по улицам и бросили в реку. Таков был бесславный конец униата.

«Жизнь этого человека, начатая изменой правой вере, продолжившаяся рядом насилий и жестокостей, кончилась казнью», – напишет потом православный историк унии. Естественно, случившееся безнаказанным не осталось. Месть католиков была страшна. Узнав о происшествии, римский папа Урбан VIII писал польскому королю Сигизмунду III: «Там, где столь жестокое злодеяние требует бичей мщения Божия, да проклят будет тот, кто удержит меч свой от крови. И так, державный король, ты не должен удержаться от меча и огня. Пусть ересь чувствует, что жестоким преступлениям нет пощады».

Король снарядил в Витебск специальную следственную комиссию. Расследование длилось недолго. Непосредственные участники убийства скрылись, но, так как все равно требовалось кого-то наказать, виновными назначили других. Двадцать человек казнили. Еще сто приговорили к смертной казни заочно (они успели бежать). Многих горожан заключили в тюрьму, некоторых сослали.

У Витебска были отняты все ранее данные ему привилегии, ликвидировалось городское самоуправление. Здание ратуши буквально стерли с лица земли, также как и два православных

храма. Другие православные храмы были закрыты, и само православие запрещено, сначала – в Витебске, а затем во всех городах епархии. «Твердыня, защищающая русских от унии, разрушилась», – удовлетворенно отмечал Урбан VIII.

Ну а покойного Кунцевича объявили блаженным. По прошествии более чем двух веков – в 1867 году – его причислили к лику святых.

«В римской церкви для канонизации во святые требуются не богоугодные подвиги христианской любви и благочестия, а хотя бы и кровавые, но блестящие подвиги на пользу и распространение папского владычества, – прокомментировал сей факт видный украинский богослов, протоиерей Андрей Хойнацкий (1836–1888). – Зато и память подобного рода святых при первом удобном случае падает с шумом, как воочию нашу погубила память Иосафата в Литве и на Волыни и как теперь погибает она со всею очевидностью в Холмщине и Галиции».

В самом деле, до недавнего времени если и помнили об Иосафате Кунцевиче, то не как о «святом» и тем более не как об «апостоле национального единства», а как о жестоком гонителе православия. С реанимацией униатства началась и реабилитация таких вот «святых». А кое-кто, если судить по передачам Украинского радио, уже готов делать из Кунцевича национального героя. Что, конечно, лишний раз характеризует тех, кто заправляет сегодня на Украинском радио.

Забывтый герой Яким Сомко

Лучшие с добрыми делами умереть, нежели дурно жить.
Яким Сомко

Якима Семеновича Сомко по праву следует назвать героем. Смелый, закаленный в сражениях воин. Талантливый полководец. Мудрый правитель. Украина могла бы гордиться таким своим сыном.

Между тем большинству современных украинцев его имя неизвестно. Вниманием историков и вообще тех, кто пишет на исторические темы, он тоже обделен. Далеко не в каждой книге, посвященной выдающимся деятелям казацкой эпохи, можно встретить хотя бы краткий рассказ о нем. Не говоря уже о подробной биографии, которую специалисты по истории Украины до сих пор написать не удосужились. Несколько небольших статей в малотиражных изданиях, короткие биографические справки в энциклопедиях – вот, собственно, и все, что создала украинская историография о некогда славном казацком вожде.

И это неудивительно. Среди «национально сознательных» сочинителей Сомко не популярен, ибо «привел Левобережную Украину под власть Москвы». Неудобен Яким Семенович и авторам противоположной идеологической направленности, поскольку ответственность за его гибель целиком лежит на тогдашней российской власти. В результате и те и другие говорят о нем нехотя, а то и вовсе молчат. Кстати сказать, изображение Сомко, которое можно найти в Интернете, скорее всего, недостоверно и, по-видимому, дает представление о фантазии живописца, а не о подлинном лице исторического деятеля.

Совсем недавно исполнилось триста пятьдесят лет со дня смерти героя. И опять же памятная дата прошла практически незамеченной. А отметить ее нужно было бы уже потому, что дата рождения этого выдающегося человека неизвестна. Лишь приблизительно можно определить, что родился он где-то между 1615 и 1620 годами. Примечательное обстоятельство: происходил будущий казацкий лидер не из казаков, а из переяславских мещан. Правда, семья его впоследствии породнилась с казаком. Да еще с каким! Старшая сестра Якима – Ганна – вышла замуж за Богдана Хмельницкого.

Впрочем, и без того род Сомко был весьма авторитетен. Достаточно указать на факт участия Семена Сома (отца Ганны и Якима) в одном из посольств, направленном малорусским населением в Москву.

И конечно, не стоит объяснять успешную казацкую карьеру Якима Семеновича одним лишь замужеством сестры. В конце концов, Ганна умерла до известных событий 1648 года, то есть до возвышения Хмельницкого. В жизнь тогда еще не великого гетмана, а чигиринского сотника вошла другая женщина. И если, получив булаву, он все же приблизил к себе брата первой, уже покойной жены, значит, были к тому иные основания, помимо семейно-родственных.

С началом Освободительной войны 1648–1654 годов Сомко поступает на службу в Переяславский полк. В начале 1650-х годов – он переяславский сотник, периодически занимающий должность наказного (то есть временно исполняющего обязанности) полковника.

Яким Семенович принимает участие в Переяславской Раде, постановившей воссоединить Малую Русь с Великой, чтобы «вовсеки вси едино было». Тогда же присягает он на верность русскому царю и, в отличие от многих других казацких деятелей, остается верным этой присяге до конца жизни.

В сентябре 1654 года Богдан Хмельницкий направляет Сомко с письмом в царскую ставку, что указывает на большое доверие к нему гетмана. Ответственные поручения Яким Семенович выполнял еще не раз. Уже в то время он пользовался немалым влиянием. Неодно-

кратно участвовал в совещаниях казацкой старшины, собиравшейся для обсуждения важнейших вопросов.

Однако в 1657 году, после смерти великого Богдана, положение Сомко пошатнулось. Видимо, хорошо зная, что собой представляет новый гетман – Иван Выговский, Яким Семенович отнесся к его избранию отрицательно. Но выступить открыто не мог – Выговскому верили в Москве и всех его противников считали бунтовщиками. Воспользовавшись этим, новоявленный обладатель гетманской булавы приступил к расправе над недовольными.

Опасаясь за свою жизнь, Сомко вынужден был бежать на Дон. Около года провел он в изгнании. Когда же Выговский открыто объявил об отделении от России и присоединении Малороссии к Польше, Яким Семенович вернулся, чтобы вступить в борьбу с предателем.

Гетман пытался заручиться поддержкой казацкой старшины. Любопытно, что в перечне лиц, которым он выхлопотал у польского короля шляхетское достоинство, есть и фамилия Сомко: Выговский старался подкупить противника. Но казак не продался за дворянское звание. Он становится одним из руководителей антигетманского восстания. Осенью 1659 года изменнику пришлось отречься от власти и бежать.

Теперь булаву получил Юрий (Юрась) Хмельницкий, сын Богдана и племянник Сомко. Яким Семенович оказывается чуть ли не самым приближенным к новому гетману человеком. С триумфом приехал он в родной Переяслав. И вряд ли предполагал, что вскоре будет воевать с близким родственником.

В августе 1660 года Юрась вслед за великорусской армией воеводы Василия Шереметева выступил в поход на поляков. На время своего отсутствия наказным гетманом он назначил дядю. Сомко должен был поддерживать порядок в тылу и готовить подкрепление для войска. Только вот очень скоро тыл превратился в арену боевых действий.

Поход Шереметева закончился катастрофой. В октябре окруженная врагами под небольшим городком Чуднов армия после отчаянного сопротивления капитулировала. А еще до того слабовольный Юрась Хмельницкий, видя трудное положение воеводы, предпочел сдаться, вновь признав над Малороссией власть польского короля. И малорусы... подчинились в большинстве своем этому решению.

Не надо думать, что все они враз стали предателями. Готовность сменить подданство объяснялась другим. Жители со страхом ожидали нашествия поляков и союзной им татарской орды. Призванное защищать край великорусское войско больше не существовало (поражение под Чудновом было страшнее Конотопского). В возможность отбиться от врагов самостоятельно население не верило. И сочло за благо покориться Польше, надеясь, что заключивший с ней договор Юрась убережет народ от насилия.

Сомко считал по-иному. Он ясно сознавал, что покупать призрачное спокойствие ценой клятвопреступления (нарушения присяги) и бесчестно, и очень ненадежно. «Удивляюсь, что ваша милость, веры своей не поддержав, разрывает свойство наше с православием... – писал Яким Семенович племяннику в ответ на уговоры перейти к полякам. – Не хочу ляхам сдаться; я знаю и вижу приязнь ляхскую и татарскую. Ваша милость человек еще молодой, не знает, что делалось в прошлых годах над казацкими головами; а царское величество никаких поборов не требует и, начавши войну с королем, здоровья своего не жалеет».

Забегая вперед, нужно сказать, что будущее полностью подтвердило правоту Сомко. Поляки, не сумев победить непокорных малорусов, срывали зло на покорных. Татары, не захватив добычи в защищаемых своими жителями городах, грабили и угоняли в рабство обитателей тех населенных пунктов, которые сдались без сопротивления. А гетманы-предатели не могли, да и не хотели защитить своих подданных. Так было при Юрасе Хмельницком. Так было и позднее – при Павле Тетере, Петре Дорошенко, Филиппе Орлике.

Разумеется, Яким Сомко не прозревал грядущее, не выступал в роли пророка. Он всего лишь не хотел быть изменником. «Лучше с добрыми делами умереть, нежели дурно жить, –

отмечал он в цитированном письме Юрасю. – Пишите, что царское величество никакой помощи к нам не присылает: верь, ваша милость, что есть у нас царские люди и будут; а если б даже их и не было, то его воля государева, а мы будем обороняться от наступающих на нас врагов, пока сил станет».

Весть об измене племянника застала Якима Семеновича в Белой Церкви. Срочно вернувшись в Переяслав, Сомко собрал возле соборной церкви духовенство, казаков, мещан и заявил, что остается верным царю. Переяславцы поддержали его, избрав своим полковником вместо перебежавшего к врагам Тимофея Цецюры.

Ситуация тем временем становилась угрожающей. За Юрасем под польское ярмо последовала Правобережная Малороссия (за исключением Киева, где находился великорусский гарнизон) и большая часть Левобережной. Кроме Переяславского полка верными Москве остались полк Нежинский во главе с Василием Золотаренко и Черниговский с полковником Иоанникием Силичем. Но Нежин и Чернигов находились дальше от врагов и могли рассчитывать на помощь великорусских отрядов.

Сомко же и его полк на первом этапе военных действий самостоятельно противостояли численно превосходящему противнику. Тут Яким Семеновичу пригодился прежний боевой опыт. Он лично участвовал в битвах и не только отразил все нападения на Переяслав, но и начал умирять отпавшее было Левобережье.

Один за другим подчинялись наказному гетману полки и города. Когда же наконец подошла помощь из Великороссии, чаша весов в борьбе с племянником окончательно склонилась на его сторону.

Несколько раз еще ходил Юрась в походы на левый берег Днепра с поляками и татарами, но постоянно терпел поражения и отступал. Сомко же, утвердившись в Левобережной Малороссии, приступил к отвоеванию Правобережной. В очередной раз разбив войска племянника, он взял Канев и продолжал расширять подконтрольную территорию.

Однако непобедимый на ратном поле, Яким Семенович не был столь же успешен в противоборстве иного рода. Он по-прежнему оставался только наказным гетманом, не являясь полноправным обладателем булавы. Большинство полковников поддерживали стремление Сомко к полноценной власти. В самом деле, не было тогда в Малороссии более достойного кандидата в гетманы. Но...

Свои претензии на булаву выдвигал также нежинский полковник Василий Золотаренко и кошевой Запорожской Сечи Иван Брюховецкий. Оба они засыпали Москву и великорусских воевод в Малороссии доносами, обвиняя Якима Семеновича в измене, тайном сговоре с Юрасем, намерении продаться то польскому королю, то крымскому хану.

А главное – против Сомко усиленно интриговал местоблюститель киевской митрополичьей кафедры епископ Мефодий. Последний представлял собой наглядный пример того, как иногда хождение во власть портит человека.

Ранее, будучи нежинским протоиереем, еще не Мефодий (это монашеское имя), а Максим Филимонович много потрудился для соединения Малой и Великой Руси. Получив же архиерейский сан и должность местоблюстителя, он возмечтал стать киевским митрополитом (то есть главным церковным иерархом в Западной Руси).

С этой целью Мефодий считал нужным иметь под рукой полностью послушного себе гетмана. Таким казался ему Брюховецкий, в меньшей степени – Золотаренко. И уж совсем не годился на роль марионетки Сомко. Поэтому, обещая свою поддержку двум конкурентам Якима Семеновича (причем первому из названных втайне от второго), Мефодий, в свою очередь, слал доносы на наказного гетмана.

Не сложились у Сомко отношения и с великорусскими воеводами. Возможно, кто-то из них завидовал его военной славе. Кто-то был падок на подарки, полученные от конкурентов Якима Семеновича. Кто-то слишком уж доверял доносам (особенно епископским). Как бы то

ни было, факт остается фактом: воеводы отзывались о казацком вожде неблагоприятно, также подозревая его в склонности к измене.

Вдобавок ко всему положение осложнялось тяжелым состоянием финансов Русского государства. Сказывались последствия долговременной войны. Денег в казне катастрофически не хватало. Чтобы поправить дела в Москве, не придумали ничего лучшего, чем чеканить медные рубли, требуя от населения принимать их наравне с серебряными.

Понятно, что распоряжение правительства вызвало недовольство, даже волнения. В столице страны вспыхнул бунт, названный потом Медным. Тем более не хотели принимать медь за серебро в Малороссии. И вышло так, что жалование солдатам великорусских гарнизонов платили медными рублями, а купить что-либо за такие деньги они не могли. Чтобы не умереть с голоду, солдатам приходилось воровать, а то и грабить население. Надо ли пояснять, сколь вредило это единению великорусов и малорусов?

Сомко пытался объясниться с воеводами. Те злились, требовали обеспечить хождение медного рубля наравне с серебряным. Яким Семенович нашел выход.

Из личных средств он одолжил войскам крупную сумму на раздачу жалования. А затем, по настоятельным просьбам наказного гетмана, правительство стало присылать серебряные деньги. Проблема была решена. Но недовольство «строптивым» казацким вождем нарастало.

В апреле 1662 года на Казацкой раде в Козельце его все-таки избрали полноправным гетманом. Однако стараниями Мефодия, воевод и конкурентов Москва избрание не утвердила. Придрались к формальному поводу: на раде отсутствовал официальный представитель правительства.

Отказ в утверждении очень огорчил Сомко. И все же он продолжал хранить верность присяге.

В связи с происходившим можно только подивиться недалекости московских бояр, курировавших малорусские дела. Их сомнения в наказном гетмане были бы объяснимы, если бы слово противостояло слову. Трудно верить одному наперекор многим. Словесные заверения Сомко в верности противоречили словесным же, то есть бездоказательным, но многочисленным обвинениям.

Дело, однако, в том, что доносы Яким Семенович опровергал делом. Он продолжал громить врагов России, с которыми, по уверению недоброжелателей, будто бы сговаривался. Доносил, например, переяславский воевода князь Волконский, что, по его сведениям, Сомко готовится перейти к татарам. А спустя несколько дней лагерь наказного гетмана, расположенный в трех верстах от Переяслава, окружила внезапно подошедшая орда. И с полудня до глубокой ночи Яким Семенович со своими казаками яростно отбивался от нападавших, пока не подошла подмога, высланная тем же воеводой, который теперь убедился в лживости полученной информации.

В другой раз доносчики сообщили, что Сомко собрался сдать Переяслав племяннику. Но когда польско-татарско-казацкое войско во главе с Юрасем снова осадило город, наказной гетман упорно оборонялся. В тех боях погибли два его сына. Доказательство верности более чем весомое. Но и оно не развеяло подозрений.

Наконец Москва дала разрешение на избрание полноправного гетмана в июне 1663 года на «черной» раде (такой, участие в которой должны принять массы рядового казачества – чернь). Местом проведения выборов назначили Нежин.

Соперник Сомко, беспринципный авантюрист Иван Брюховецкий, заранее собрал у города толпы натуральной черни, обещая ей отдать на разграбление дома богатых казаков. Заручился он, умевший льстить и пресмыкаться (чего Яким Семенович не умел и не делал), также поддержкой правительства.

Представителем царя на раде поручили быть князю Даниле Велико-Гагину. Историки подробно описывают, как князь снаряжался в дорогу: взял двадцать стоп бумаги, два ведра чернил, множество свечей и т. п. Кажется, забыл он только ум и совесть.

Прибыв на место, Велико-Гагин не пожелал разбираться в малорусских делах, целиком доверившись доносам. И явно поддержал Брюховецкого, сторонники которого сразу же прибегли к насилию.

Сомко тоже привел на раду полки, был готов к силовому противостоянию. Но его казаки заколебались, увидев, что против них представитель царя. Многие стали переходить на сторону противника.

Яким Семенович пригрозил Велико-Гагину, что таких «выборов» не признает, будет жаловаться в Москву. И тем разъярил князя, приказавшего арестовать теперь уже бывшего наказного гетмана и его приближенных. Под арест попал и Василий Золотаренко, слишком поздно понявший, что является слепым орудием в руках епископа Мефодия.

«Худые-де вы люди, свиньи учинились в начальстве и обрали в гетманы такую же свинью, худого человека, а лучших людей, Сомка со товарищи, от начальства отлучили», – сказал посланцам Брюховецкого князь Волконский, узнав о произошедшем. Наверняка он рассказывался в том, что передавал раньше в Москву непроверенные слухи.

Арестованных выдали на расправу победителю. Суд был скорым и неправым. Сомко, Золотаренко, Силича, некоторых других полковников признали виновными в «измене» и приговорили к смерти.

По некоторым данным, епископ Мефодий, прекрасно зная, что казнят невиновных, в последний момент пробовал уговорить Брюховецкого смягчить приговор. Тот отказал. В сентябре 1663 года осужденным отрубили головы.

Повторю еще раз: когда изменил Юрась Хмельницкий, за ним последовала почти вся казачья старшина. Верными царю остались трое – Сомко, Золотаренко, Силич. После «черной» рады именно их казнили как «предателей».

Трудно пояснить, о чем думали московские бояре, допуская столь вопиющее торжество несправедливости. Чего здесь больше? Глупости? Подлости?

Вред от случившегося обнаружился сразу. Как отмечалось, Сомко начал отвоевывать Правобережную Малороссию. По согласованию с ним паволочский полковник Иван Попович поднял антипольское восстание. Яким Семенович планировал двинуться ему на помощь. Казачий летописец Григорий Грабянка пишет, что вместе Сомко и Попович разгромили бы поляков, как делали уже не раз, и продолжили бы славное дело Богдана Хмельницкого.

Вероятно, так оно и было бы. Правобережье воссоединилось бы с Россией уже тогда. Но теперь восставшим помощи не оказали – Брюховецкий выступать отказался. Восстание подавили. Попович погиб.

В конце того же года польская армия вторглась на Левобережье. А достойного полководца, чтобы нанести завоевателям сокрушительное поражение, у казаков не нашлось. Война тянулась несколько лет с переменным успехом. Закончилась она лишь в январе 1667 года подписанием Андрусовского перемирия. Малороссию разделили по Днепру. Правобережная ее часть более чем на сто лет осталась под иномземным игом.

А через год после перемирия Брюховецкий открыто изменил, приказав вырезать все великорусские гарнизоны. Вновь охватило край пламя войны. Многие тысячи великорусов и малорусов заплатили жизнями за преступление Нежинской «черной» рады.

Изменил и Мефодий...

Зло потом было наказано. Брюховецкого казаки забили насмерть. Мефодий умер в заточении в монастыре. Но это не могло вернуть к жизни Якима Сомко.

«Храбрый защитник своего отечества, в бранях неустрашимый, у самой могилы отважный, воин, достойный лучшего жребия, заслуживший делами любовь и уважение потомства» – так охарактеризует его крупный русский историк Дмитрий Бантыш-Каменский.

Увы, потомство о Сомко забыло. И хотя бы эту несправедливость необходимо исправить.

Судьба самозванца. Филипп Орлик: мифы и действительность

Мифов вокруг этого исторического персонажа нагромождено немало. Его называют «великим украинцем», «творцом первой в мире конституции», «несгибаемым борцом за свободу Украины». Но был ли на самом деле таковым Филипп Орлик?

По своему происхождению никакого отношения к Украине он не имел. Родился в октябре 1672 года недалеко от Вильно (Вильнюса). Принадлежал к старинному чешскому дворянскому роду, представители которого в XV веке переселились в Польшу. По вероисповеданию был католиком.

Все это не мешает «национально сознательным» мифотворцам делать из Орлика православного украинца. Причем делают чем дальше, тем усерднее. Еще в середине XX века авторы из украинской диаспоры осторожно предполагали, что мать будущего «гетмана» Ирина, урожденная Малаховская, происходила «**правдоподобно** из православного рода» и сына крестила «**вероятно**, по православному обряду». Нынешние псевдоисторики уже не осторожничают. Безбожно передирая труды предшественников, они при этом выбрасывают слова «правдоподобно» и «вероятно», добавляя взамен – «украинский». И вот уже Малаховские оказываются «украинским православным родом» (лишь некоторые оговариваются: «украинско-белорусским православным родом»), а Филипп – крещеным «согласно воли матери по православному обряду». Доказательств, естественно, никаких, но мифотворцам они и не требуются.

Между тем Орлик сам развеял сомнения на сей счет. Он называл себя «сыном польских родителей», вспоминал дядю, родного брата матери, ярого католика и ненавистника православия. Польшу «гетман» неоднократно именовал своей родиной. В Украине же он, по собственному признанию, ощущал себя «иноземцем» и «пришельцем».

Первоначальное образование Филипп получил в Виленском иезуитском коллегиуме. И всю жизнь оставался верным чадом католической церкви. В письме к римскому папе, написанном уже тогда, когда жизнь клонилась к закату, Филипп Орлик презрительно обзовет православие «схизмой» (расколом) и пообещает в случае получения власти над Украиной «показом ошибок и ересей нынешней греческой церкви... тот край к унии с римской церковью привести». Другое дело, что, попадая в православное общество, Орлик скрывал свое вероисповедание, притворяясь православным. Ничего удивительного тут нет. Последователи иезуитского ордена часто вели себя так.

Думается, и в Украине воспитанник отцов-иезуитов появился не случайно. Какое-то время он вроде как обучался в Киево-Могилянской коллегии. Затем (в 1692 году) устроился писарем в канцелярию киевского митрополита. Вскоре перешел в Генеральную войсковую канцелярию.

В многочисленных панегириках Орлику можно прочесть, что он сделал блестящую карьеру благодаря своим «выдающимся способностям», «неутомимому труду», «уму, энергии, талантливости, образованности». В действительности все было гораздо банальнее. В 1698 году Филипп выгодно женился на дочери полтавского полковника Павла Герцика (между прочим, еврея-выкреста). Тут и началось быстрое продвижение вверх по служебной лестнице. А до тех пор никакой карьеры сделать не получалось. На момент свадьбы Орлик все еще оставался младшим канцеляристом. Но уже через четыре года он занимал должность генерального писаря, одну из высших в Гетманщине. Взлет, бесспорно, стремительный. Да еще и сопровождавшийся стремительным обогащением – в качестве приданого жены Филипп получил во владение села в Стародубском, Черниговском, Полтавском полках. Но при чем здесь «выдающиеся способности»?

Если чем-то Орлик и выделялся, то разве что умением угодить начальству. Он являлся автором откровенно подхалимских виршей, прославлявших сильных мира сего. Наиболее известна его ода, посвященная гетману Ивану Мазепе. Называлась она – «Алкид российский».

Очень смущает сие название современных панегиристов. Смущает не имя Алкид (так в латинских текстах именовали героя древнегреческих мифов Геракла), хотя сравнивать Мазепу с Гераклом – явный перебор. Дискомфорт для мифотворцев создает прилагательное «российский». Поэтому украинские публикации сочинений Орлика снабжены своеобразным «пояснением»: дескать, Россией тогда считались Украина и Белоруссия, а нынешняя Россия – это тогдашняя Московия.

Любопытно, что «пояснение» тут же опровергается самим текстом оды, где Мазепу восхваляют за то, что он турецкие крепости преклонил «под власть российских монархов» и отдал гидру бусурманскую «в когти орла российских монархов». Но опять же: что до того «национально сознательным» сочинителям?

Как бы то ни было, а падкому на лезть гетману подхалим пришлось по душе. Орлик стал доверенным лицом Мазепы, был одним из немногих посвященных в тайные его замыслы, в том числе в намерение изменить русскому царю. Когда шведская армия вторглась в Украину, генеральный писарь перебежал к завоевателям вместе со своим начальником. Ну а потом, после Полтавской битвы, им обоим пришлось удирать в турецкие владения.

И вновь-таки: следование Орлика за Мазепой весьма умиляет современных псевдоисториков. Они говорят о беспримерной верности Филиппа и лично потерпевшему поражение гетману, и «идее освобождения Украины от московского ярма». Однако это не так.

Сразу после разгрома шведов под Полтавой Орлик спешно пишет письмо миргородскому полковнику Данилу Апостолу, воевавшему на стороне России. Он кается и проклинает Мазепу, пытается отмежеваться от него. Но было уже поздно. Предатель не мог рассчитывать на прощение. Поневоле довелось ему следовать за гетманом на чужбину, а позднее присутствовать при его кончине.

После смерти Мазепы в гетманском окружении началась форменная грызня за его наследство. Большинство богатств покойного осталось в Украине. Но какие-то сундуки с золотыми монетами вывезти все же успели. За них и разгорелся спор. Главным претендентом являлся племянник гетмана – Андрей Войнаровский. Остальные тоже требовали свою долю, настаивали на том, что золото – собственность всего войска, а не лично умершего, следовательно, родственник Мазепы преимуществ не иметь не должен.

Ожесточение достигло крайних пределов. Орлик впоследствии вспоминал, что всерьез опасался за свою жизнь. В дело вынужден был вмешаться шведский король Карл XII. Он постановил отдать богатство Войнаровскому, а Орлика сделать новым гетманом.

Правда, радовался Мазепин племянник недолго. Король тут же «одолжил» у него полученное. Но для Филиппа это ничего не меняло. Ему оставалось забавляться гетманскими регалиями, не дававшими теперь реальной власти.

5 (16) апреля 1710 года Орлика «за соизволением наияснейшего королевского величества шведского, протектора нашего» формально «избрали» на должность.

Конечно же это была фикция. «Нового гетмана в его звании могли признавать только одни чужие люди – шведы, да немногие казаки, которые находились с ним в изгнании, так как во владении у него не было ни одного саженья казацкой земли», – отмечал видный малорусский историк Николай Костомаров. Фактически, именуя себя «гетманом», Филипп являлся самозванцем.

К тому же «власть» его, и без того сугубо формальная, оказалась урезанной. При «избрании» были заключены так называемые «Договоры и постановления прав и вольностей войсковых», ограничивавшие полномочия «гетмана» в пользу казацкой старшины. Точнее, бывшей

старшины, ибо должности генерального обозного, генерального бунчужного и прочие являлись в той ситуации такой же фикцией, как и звание гетмана.

Вот это-то соглашение политических банкротов и называется в современной украинской псевдоисториографии «первой в мире конституцией». Разумеется, никакой конституцией оно не было. Подобные договоры (договорные пункты) заключались при избрании каждого нового гетмана. Отличие на этот раз состояло в том, что документ составили не только на казакорусском наречии (так именовал письменный язык казаков современник Орлика летописец Самойло Величко), но и на латыни.

Латинский вариант был необходим для не знавшего русского языка Карла ХП, под верховную власть которого щедро отдавали Украину новоявленный «гетман» с подельниками. Озаглавили латинский текст *Pacta et constitutiones legum libertatumque Exercitus Zaporoviensis*. За образец взяли польские документы, оформлявшие избрание королей, – *Pacta conventa*. Наличием в латинском названии слова *constitutiones* («постановления») сегодняшние псевдоисторики воспользовались для сочинения указанного мифа, вкладывая в то слово современный (а не тогдашний) смысл.

Сами же авторы «Договоров и постановлений» (а кто конкретно участвовал в их написании, неизвестно, версия об авторстве Орлика основана на одних предположениях) конституцией (в нынешнем понимании) свой документ не считали. Они были озабочены иными проблемами.

Орлик и его окружение хотели завоевать хоть какую-то часть Украины, чтобы утвердить там свою власть. Но поддержать их могли лишь 3–4 тысячи запорожцев, чего явно не хватало для достижения цели. Практически не было войск и у протектора Филиппа – после Полтавы с Карлом ХП оставалось всего несколько сотен солдат. Зато шведский король сумел привлечь на помощь турецкого султана Ахмеда III. По приказанию из Константинополя в поход с Орликом отправилась 30-тысячная татарская орда. Кроме того, около 4 тысяч солдат прислал Станислав Лещинский – шведский ставленник на польском престоле.

Путь завоевателей лежал в Правобережную Украину. Эта территория считалась владением Речи Посполитой, но на тот момент никаких войск там не было, за исключением небольшого русского гарнизона в Белой Церкви.

Об Белую Церковь воинство Орлика и споткнулось. Оно храбро занимало незащищенные городки и села, жители которых принуждены были признавать нового «гетмана». Однако столкновение с подразделением регулярной армии закончилось для наступающих плачевно. Наткнувшись на сопротивление, татары повернули назад, принявшись грабить и разорять те самые населенные пункты, которые Филипп уже объявил своими. Отряд, присланный Лещинским, ушел обратно в Польшу. Разбрелись и запорожцы. Орлику ничего не оставалось, как с позором вернуться обратно.

Провал похода внес раскол в немногочисленный лагерь орликовцев. Кошевой Кость Гордиенко тоже провозгласил себя «гетманом», уведа за собой запорожцев. С Орликом осталось очень небольшое число казаков. Да и тех он вскоре отправил по приказу Карла XII в Польшу, на войну за интересы Лещинского, где их всех перебили.

Вдобавок ко всему «гетман» запутался в политике, которую сегодня назвали бы «многовекторной». Протекции шведского короля ему показалось мало. Филипп попросился в подчинение султану. Владыка огромной мусульманской империи откликнулся на просьбу. Он выдал специальный указ на сей счет. «Казаки Украины и Запорожья подлежат моему вечному правлению, – говорилось там. – Они будут иметь статус подданных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.